

Равиль ХАДЕЕВ,

лётчик-испытатель,

кандидат технических наук

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

— Тридцать девять!.. Тридцать девять!.. Триста пятый, где ведомый?

— Триста пятый, я после роспуска пары, на третьем развороте... Он должен быть за мной... Не наблюдаю тридцать девятого!..

— Тридцать девятый!..

...Они пришли парой с Рассохой из зоны. Рассоха уже после третьего, а курсанта нет!..

На кругу искать надо... Не видно нигде...

Так... Кто там близко, из тех, что поопытнее? Ага, вот с разведки погоды на вторую смену Костин возвращается. Сейчас он в круг входит будет.

— Шестьсот второй, по кругу пройди, посмотри... на земле...

— Понял!

Разведчик прошёл над стартом, пошёл со снижением к первому [развороту].

Вертолётчик залётный сидит у меня за спиной, ждёт вылета на свой аэродром.

— Слышь, у тебя мой рабочий канал есть?

— Сейчас поставлю. Частота какая? Связисты!

— Хорошо, иди запускай и будь на связи.

— Понятно.

— Тридцать девять!...

...

— Тридцать девятый!...

...

— Шестьсот второй!

— Наблюдаю... После первого... на земле!..

— Понял вас... Пятнадцать – триста семьдесят шесть... — Это вертолётчику.

— На приёме.

— По готовности взлетай, пройди от первого ко второму посмотри на земле. Там мой борт над ним в вираже.

— Понял, борт вижу, взлетаю!

— Шестьсот второй, посмотри вокруг... может где парашют?..

— ...Нет... не наблюдаю!..

— Ладно, заходи на посадку... У меня туда вертушка взлетела.

— Понял, выполняю.

Самолёт круто отвернул к третьему...

Прошло несколько томительных минут пока вертолёт шёл к месту падения самолёта...

— Триста семьдесят шесть, ну, что ты там крутишься, садись... Сесть можешь? Может, помощь оказать нужно?

— Нет, не нужно...

— Не понял!..

— Не нужна помощь. Прямой удар. На земле только крыло и хвост остались...

— ...Понял!..

Андрей Жищенко. Сын моего сослуживца. Вот только, утром, на предполётных указаниях говорил с ним... Парень-то такой классный, крепкий, стройный. Красивый, прямо сказать, паренёк! Отличник круглый. А отец-то год назад умер... Одна мать осталась, переживёт ли?

Борт командующего сел на заходе солнца. Долго рулил, гудя винтами. Остановился, выключил. Всё стихло. Надвинулась такая редкая, гнетущая тишина. Суровые, деловитые мужики в камуфляже не спеша выгрузились с аппаратурой. Ни улыбок, ни громких приветствий...

Ночь... Сижу на вышке, пишу с магнитофона радиообмен. Комиссия по расследованию внизу, в классе. Сигарет мне привезли три пачки. Коротенькие какие-то, расходуются быстро.

Вызывают по селектору вниз:

— Ну-ка расскажи, по шифртелеграмме номер ноль два, пятнадцать, проводили занятия?

— Да, вот в журнале...И тренаж и занятия.

— Понятно... Понятно, иди...

Апатия какая-то навалилась... А, пошло оно всё!.. Тишина какая... Так давит. В чёрных стёклах желтоватым пятном моё лицо, да молнии на кожанке. Так и сижу в кресле руководителя полётов. Мыслей никаких. Никаких чувств. Начальник училища... Зря он только спросил меня:

— Как же, сынок, ты его не видел?

— Да и вы, товарищ генерал его не видели бы. У меня на кругу четыре борта было и один самостоятельный на планировании, а один на взлётной. Как всех-то сразу видеть?..

Зря спросил. Обидел. Знает же, что руковожу хорошо, а спросил...

А что бы он ещё мог у меня спросить?

Вот и рассвет наметился. Небо высокое, тёмное, а на востоке задумчивая синева засветилась...

Сообщили уже, наверное, матери. Каково ей сейчас? Звоню дежурному по полку:

— Саня, как наша эскадрилья придёт в штаб, пусть кто-нибудь с пилотов мне позвонит на вышку.

— А они не уходили, в классе сидят. Сейчас позову...

— Это Лопушинский. Мы документацию проверяли. Сейчас уже так сидим, домой незачем ехать. Зам по лётной тоже с нами. Он твою документацию сам проверил.

— Хорошо, Вася все документы знает назубок, значит порядок там теперь.

— Да, всё подтянули.

— Ну, пусть утром Брова всё соберёт и инспектору предъявит.

— Всё уже у него. Нормально. Не волнуйся.

— Чеслав, когда они на посадку заходили, как с погодой было?

— Да, нормально всё. Горизонт слабовато всю смену было видно. Облаков не было над стартом. Погода была точно, как Костин передал. Ну что, они много накопили?

— Кто его знает, вызывают, только когда вопрос возникает. Пока сами там. Меня посадили радиообмен переписывать. Скажи, ты грубые ошибки у меня заметил при управлении?

— Да нет. Всё как всегда. Я как услышал «прямой удар» у меня под шлемом волосы дыбом встали, а у тебя и голос не изменился.

— Посмотрел бы ты на мою рожу тогда, так бы не говорил. В воздухе ещё трое самостоятельных было. Их же посадить нужно... У меня однокашник, Вася Плющай, когда-то на учениях погиб. Шли парой на малой высоте, а у него АРУ само ни с того ни с сего перестроилось. Он не вытянул. В палатку с людьми тогда врезался. Его ведомый так разволновался, что на посадке тоже самолёт разбил. Так это уже лётчик был! А здесь совсем ещё... Ну, ладно, пока. Сигарет привезите мне, кончаются уже...

Каждый год это бывает. Каждый год... Не привыкнуть к этому... Выбирают сюда самых лучших ребят. Толковые, здоровые, интеллект как проверяют, только лучшие отбор проходят. И вот так... Отец его был инженер эскадрильи у нас. Справедливый и строгий мужик был. Как бы я ему теперь в глаза-то посмотрел?

Солнышко только взошло, а так жарит уже. День начинается... А для него нет уже ничего.

Да, натворили мы тут дел...

...Кто там за плечо меня?.. Руки затекли, лицо. Глаз никак не открою.

— А, привет! Сигарет привезли?

На стол молча выложили две пачки «Примы».

— Мы на «яме» были. Раскопали уже. Двигатель на восемь метров вниз ушёл, кабину раздавил.

— Достали... его?

— Достали, краном за парашют... Часть головы осталась и туловище...

— А сколько времени уже? О! А я тут...почти весь день прошёл уже. Что там, какие версии рассматривают?

— Да все подряд. Двадцать одна версия – мужик с прокуратуры говорил.

— Значит, причины ещё не знают.

— Предполагают с птицей столкнулся. Осколки лобового стекла в поле нашли, от ямы далеко. Врачи тело в Киев на анализ увезли. Если от птицы на его лице что-то осталось... А больше не на что и грешить.

— Меня сегодня, наверное, ещё не отпустят. Помыться бы, жарко очень. Может завтра...

- Да ладно, в эскадрильи всё уже проверили, не волнуйся.
- Мать привезут сюда?
- Нет, она в больнице... В реанимации она, говорят...

